

а отец умер и оставил ему огромное наследство. Брат отца написал молодому наследнику письмо и отправил с нарочным в Париж. Сын вскрыл конверт, поглядел на подпись, увидел, что подпись дядина, и спросил у гонца: «А что с моим отцом?» – «Прочтите письмо, – ответил гонец, – и вы все узнаете». Сын начал читать письмо, узнал, что отец его опочил, и очень расстроился, но, читая дальше, выяснил, что отец своей последней волей вверил его попечительству свою бессмертную душу и все свое огромное состояние, и последнее – без каких бы то ни было условий, отчего юноша опять повеселел и сказал: «Быть моему отцу в кучах небесных». Хотел-то он сказать «в кучах небесных», да оговорился от радости и волнения. Так он помянул родного отца, так распорядился его бессмертной душой, – а что куч на небесах не бывает, сие всем ведомо. Поэтому никогда не вверяйте душу своим близким, но сами заботьтесь о ее спасении.

66

Францискус Петрарка повествует о том, как некий отец с сыном наделали столько долгов, что их решили казнить, посадив в котел с маслом и разведя под котлом огонь. Оказались они в котле, привязанные спиной друг к дружке, да оба голые, – мудрено ли, что сын сперва замерз, начал стучать зубами и возроптал на холод. Но тут разожгли костер, и котел стал понемногу нагреваться, и масло в нем – тоже, и сын возроптал уже на жару. Отец же был куда терпеливее и, осерчав на сына, увещал его следующим образом: «Ах ты, сукин сын, ни жары, ни холода не выносишь». Францискус Петрарка замечает по этому поводу, что то было достойное слово достойного человека, умеющего переносить и жару и холод, – и лучше всего было бы его немедленно простить и помиловать.

67

Ехал мельник на мельницу, навьючив на мула четыре мешка с зерном. Повстречался ему монах и говорит: «Жаль мула, слишком много ты на него навалил». – «Вовсе нет, ваша милость, – ответил мельник, – он запросто утащит сверх того всю кротость и все долготерпение вашей милости да и всего монашества».

68

Некий монах остался в одной деревне без подаяния, никто даже не покормил его. Тогда монах забрался в церковь и ударил в колокол, огласив деревню зауспокойным звоном. Звонарь прибежал в церковь и спросил у монаха, кто умер. «Любовь к ближнему умерла в здешних местах, – ответил монах, – никто не подал мне Христа ради, поэтому я и трезвоню в колокол». В ответ на это звонарь принялся бить в самый большой из церковных колоколов. «А это что значит? – спросил монах. – Еще кто-нибудь умер?» – «Кротость и долготерпение, которые ты должен бы иметь, – ответил звонарь, – также мертвы, поэтому я и трезвоню в колокол».

69

У одного богача был слуга, находившийся у него в услужении много лет. Однажды, за трапезой, речь зашла о справедливости, и слуга сказал: «Хорошо все-таки, что истина и справедливость пребывают на земле по-прежнему и высоко несут свое знамя». Хозяин возразил: «Не так все это. Ложь и предательство правят миром, а вовсе не честность». Слуга пустился с ним в спор, и тогда хозяин решил побиться с ним об заклад, причем поставил сто гульденов, тогда как слуга поставил в ответ оба своих глаза. «Но кто же нас рассудит?» – спросил слуга. «Выберем трех судей: купца из города, аббата из лесного монастыря и рыцаря из замка на горе, – и за кого будут двое судей, тот и выиграл; если двое из них скажут, что истина и справедливость пребывают на земле по-прежнему, то сто гульденов твои; если же я получу два голоса за то, что ложь и предательство правят миром, тебе придется лишиться обоих глаз». Купец произнес приговор: «Я полагаю, что